

ГЛАВА I

— Хана! Шаз полыхнет!

Из пробитого керобака струей вытекает тээска, растекаясь тонким слоем по палубе. Рву на себя правую дверь и кричу пилоту, чтобы брал ближе к склону. Но это бесполезно: командир уткнулся в стекло, двигатели уже скисли и начинают разгораться. Под нами многокилометровая пропасть, а с противоположной стороны бьет ДШК. Прыгаю, прижимая к себе пулемет. Неожиданно мягко приземляюсь на крутой склон, покрытый свежевывавшим снегом, и лечу вниз вместе с сорвавшейся лавиной. Плыву в потоке, снег везде и всюду, неожиданно взлетаю в воздух, меня сильно бьет воздухом, меняю направление полета и падаю в заросли можжевельника, которые самортизировали удар. Приехали! Путаясь в ветвях, с большим трудом выбираюсь из зарослей. Рядом небольшая пещерка. Похромал туда. Сильно болит колено, выбито два зуба, у пулемета погнут ствол и сломаны сошки. Протиснулся между камнями, отсоединил ствол. «Черт! Запасной у меня или у Витьки?» Расстегиваю стяжку рюкзака, перебрасываю его вперед. Ствол у меня! И одна запасная коробка. Эта разбита вдребезги, аккуратно извлекаю ленту из нее. «Стечкин» на месте. Выше виднеется дым. Там вся моя группа. Вколлот обезболивающее в коленку. «Бля! Как отсюда выбираться?!» Рация шипит, но не принимает. Глубоко. Просмотрел склон, людей не увидел. Решил пройти в пещеру поглубже и отдохнуть. Накинул рюкзак, пытаюсь пройти... Не пускает! Упираюсь во что-то упругое! А если чуть с прыжка? В лицо ударил яркий свет! И над головой запели пули! Крутнулся в сторону. Но стрелка я засек!

Очередь! Готов! Вдруг замечаю, что пулемет зашевелился! «У духов второй номер? Так не бывает!» Дал еще туда очередь. И чуть скорректировал оптический прицел. Интересно. Из чего дух стрелял? Звук незнакомый! Внимательно осматриваю окрестности, ищу еще огневые точки. Что-то на Памир и Гиндукуш совсем не похоже! Я же в трехстах километрах северо-восточнее Файзабада! И солнце должно быть с другой стороны! И выше! Ни хрена не понимаю! Я ведь только что был в пещере и уходил в глубь нее? А тут лежу на площадке, почти на самой вершине. Я же внизу был? Охренеть! Ничего не понимаю! Где я?

— Эй, кто там наверху? Классно ты их срезал! Ты кто?

— Лейтенант Найтов, «пятнашка»! А ты?

— Сержант Матвеев, двадцать девятый ГСП.

У меня закружилась голова! Это же мой тренер! Он в ту войну был в 1329-м горнострелковом полку, вместе с моим отцом.

— А у нас тоже есть Найтов, только он сержант! Он ниже, сейчас поднимется.

Справа послышалось дыхание и легкий скрежет триконой. Перебросил пулемет направо. Из-за камня появляется голова в сванской шапочке, но со звездой. Матвейч. Вышел на площадку, организовывает верхнюю страховку. Все лежат. Значит, противник рядом. Я перебросил пулемет назад, достал бинокль, продолжаю наблюдать за тем местом, где был пулеметчик. За спиной еще раз проскрежетали триконы. Послышался шум двух ползущих. Подползли. Дядя Ваню и Матвейч.

— Привет, давно здесь?

— Нет. Минут пятнадцать.

— По западному склону, что ли, поднялся?

— Да не поднимался я, Матвейч!

— Ты что, меня знаешь?

— Знаю, и тебя, и дядю Ваню.

Он внимательно посмотрел на меня и пожал плечами.

— Я тебя точно в первый раз вижу. Лицо вроде знакомое, на Петьку похож, только лицо более круглое. А, и фамилия одинаковая.

— Да сын я его! — Я повернулся на бок и достал удостоверение личности.

Передал ему. Надо было видеть его лицо.

Вано что-то быстро заговорил по-грузински, он, когда волнуется, всегда на него перескакивает. Чуть успокоившись, они с интересом уставились на пулемет. Пошли вопросы о нем.

— Тихо! — справа от пулемета метров десять — снайпер, я его увидел раньше, чем он успел увидеть меня. Очередь, и вторая, для надеги!

— Матвеич! Здесь противника нет, он напротив, давайте вниз и туда. Я прикрою. И по-шустрому. Здесь мне никто не нужен. Сколько вас?

— Четверо.

— Негусто.

— И не говори! Наш лагерь вон там. Перила я оставлю. Давай, лейтенант.

Они ушли вниз, я подложил под себя коврик и продолжил наблюдение. Наконец я увидел их наблюдателя. Вон его перископ торчит. Черт, из пулемета его не разбить. Не попасть! Может быть, выглянет? Вряд ли... Жалко, нет второй станции и ребятам ничего не сказать. Впрочем! Лезу в центральный клапан рюкзака, там у меня лежат в коробке разобранный СВД-С и целевые патроны к ней. Достал, собираю вслепую, посматривая в прицел ПК. Готово! Выстрел! Пощелкал прицелом. Выстрел! Больше перископ работать не будет! Отложил винтовку. Во! Голова появилась! Огонь. Блин! Мимо! Не успел. Но этот гад, конечно, спрятался. Появился правее. Я его срезал. Две двойки срезал, но немцы обычно ходили тройками. Значит, еще минимум двое. Так, а это кто? Это не немцы, это поднимаются наши. Теперь внимательнее! А мужикам бы левее зайти, чтобы быть у меня в секторе. Смотрю, грамотно забирают влево. Молотки. Быстро идут! Но на площадке у немцев никого. Теперь надо бы выйти из сектора моего обстрела. Смотрю, один повернулся, посмотрел на мою площадку и махнул рукой второму забирать еще влево. Пошли медленнее, видимо, тяжелый склон, а крючья не вбить: прошумишь. Вышли на предвершину, ползут. Затем послышалось несколько очередей, слабеньких, еле слышных и два сильных взрыва. Появляются оба, подняли над головой автоматы. Вершина чиста. Начинаю собираться вниз.

Обалдело смотрю на веревку: жесткая, тяжелая. Явно металлический трос, обмотанный пенькой и плетеным

хлопчатобумажным кордом. Офигеть! На всякий случай пробиваю сплесень двумя штыками (P.S. Это узел, а не оружие), соединяю свою и их веревку, цепляю карабин, и попожарному ухожу вниз. Сбрасываю перила. Странно, нога не болит! Промедол, что ли, так действует? Жаль, его осталось только три тюбика. Начинаю спуск к перевалу. Я уже узнал это место: Клухорский перевал. Если отец здесь, то это до 6 августа 1942 года. Подхожу к позиции сверху: пулеметное гнездо, стоит «максим» без щитка. Пара ячеек справа и слева от него. И еще по склону несколько штук раскидано. Не дело! У пулемета кто-то возится, набивая брезентовую ленту вручную. На позиции всего ОДИН человек. А где полк? Послышался шум камней слева от Клухор-баши. Идут вниз трое. Я видел до этого только двоих на восхождении. Либо третий прикрывал, либо — это не они. Смотрю в бинокль, нет, все в порядке. Солдат у пулемета увидел меня и насторожился, схватил винтовку и навел на меня.

— Отставить! Я — лейтенант Найтов, красноармеец, опусти оружие. Меня сержант Матвеев просил сюда спуститься.

— Фу, товарищ лейтенант, напугали вы меня. Очень тихо ходите. Шагов не слышно, как кошка.

Красноармеец чуть расслабился, но карабин из рук не выпускает, держа его направленным чуть ниже моих ног. Форма у меня не такая, как у них: красно-зелено-желто-белый маскировочный костюм горного стрелка. Я остановился и решил подождать, пока подойдут отец, Матвеич и дядя Ваню. Спускаются они торопливо и шумно. Помахали рукой, я в ответ помахал тоже, они махнули еще раз. Солдатик шумно выдохнул. Понял, что опасности нет. Трое альпинистов пошли медленнее.

— Валера, все нормально! Это — свой, — послышалось сверху.

— Красноармеец Савельев, товарищ лейтенант. Одеты вы не по-нашему, извините. И оружие у вас не наше. Только что по-русски говорите.

— Нормально, товарищ Савельев. Все понятно.

Он поставил карабин у ноги.

— А закурить не будет, товарищ лейтенант? — и удивленно уставился на протянутую ему БТ. — Старшина третьи сутки не поднимается. Кажись, нас уже списали. А огоньку?

— Тетенька, дайте попить, а то так есть хочется, что переночевать негде? Держи!

— Трофейная? Я таких не видел! — сказал он, прикурив. — Слабенькая совсем, а это что за коричневая хрень?

— Фильтр, чтобы табак в рот не попадал и часть смол оставалась на нем.

— Понятно! — Хотя было видно, что ответ ушел в пустоту.

Подошли остальные.

— Ну как? Познакомились?

— Частично.

— Сержант Найтов. Командир группы альпинистов. Товарищ лейтенант, разрешите ваши документы!

— Конечно, сержант.

Остальные устали на снятый станковый рюкзак, нейлоновую веревку и снайперскую винтовку. Пулемет они видели до этого. Но, увидев, что Валера курит, сразу переключились на него.

— Где взял? Оставь!

— Берите! — Я протянул раскрытую пачку.

Матвеич начал распаливать кресало и трут. Я похлопал по карманам, нашел еще три зажигалки, две отдал им. Всегда на выход беру много. Сигарет тоже пятнадцать пачек. Шли на две недели. Мы присели, кто где мог, отец изучал документы.

— Что-нибудь еще есть?

— Партбилет. Больше ничего. А, и копия заявки на выдачу БК на группу. Но с печатью. Петр Васильевич, прекрати. Кончай изображать НКВД. Нас здесь пятеро. По тому, что ты мне рассказывал, через сутки вас останется трое. Вот у того камня вы зароете документы, награды и медальоны. — Они переглянулись.

— Мы их вчера зарыли, там.

— Выкапывайте, и давайте укреплять позицию.

— Лейтенант! Принимайте командование, — тихо сказал отец.

Они спустили сверху один немецкий пулемет, две коробки патронов к нему, снайперскую винтовку, два пистолета. Было два ящика винтовочных патронов, один ящик пулеметных, ящик гранат и два ящика тола с пятью взрывателями

и огнепроводным шнуром. Шнура было мало. Я залез в свой рюкзак: «Муха», 520 патронов к СВД, 250 патронов к ПК, 240 к «стечкину», малая монка, десять радиовзрывателей (полная пачка) и пульт к ним. Две радиостанции: моя Р-127Д и немецкая «телефункен». Матвеич сказал, что чуть выше есть немного минометных мин. Шесть сухпайков. Ребята уже трое суток не ели, поэтому, когда я сказал, что это такое, уставились на них. Один вскрыли. Я тоже пожевал колбасного фарша с галетами. После этого показал отцу, как устранять задержки при стрельбе и как пользоваться прицелом пулемета. Матвеич сидел, разбирался с МГ, Ваню пристрелял маузер, Валера выравнивал патроны в ленте «максима», но я ему сказал, чтобы взял свой карабин и двигал на правый фланг, присмотреть за обратным склоном Клухор-баши. Если немцы там смогли утром подняться, то постараются сделать это еще раз. В этот момент послышался гул самолетов. Три «лапотника» и два «мессера» шли к восточной вершине. Бомбили с горизонтали, поэтому никуда толком не попали, но камнепад устроили что надо. «Мессера» попытались проштурмовать наши позиции, но довольно бестолково. Мы отлежались под козырьком. Самолеты пожужжали и улетели. Но этим ничего не кончилось. Внизу захлопали минометы. Я с СВД пополз на левый фланг к одной из ячеек, которую заранее присмотрел. Позицию минометчиков обнаружил сразу. Часть ее просматривалась. Обнаружил край ящичков с минами и всадил несколько «бэзух» в них. Раздался довольно громкий взрыв. Но егеря уже начали подниматься вверх по склону. Перенес огонь на них, высккивая офицеров и унтеров, с их шмайсерами и пистолетами. Шести выстрелов хватило, чтобы оставить роту без командования. Пройдя метров сто, они залегли. Наши пулеметы молчали. В этот момент открыл огонь Валера. Я прокричал Ваню, чтобы он пулей летел к нему. Тот, пригнувшись, побежал направо. Спустя несколько минут он тоже включился в игру. Я неторопливо выщеливал головы, однако спустя несколько выстрелов увидел блеснувший прицел или бинокль чуть дальше от залегшей цепи. Перенес огонь туда. Попал или нет — не знаю, больше похоже, что просто напугал. Противник начал пятиться. Точный одиночный огонь здорово действует на нервы. Особенно в горах, где каждый выстрел многократно отражается и создает сильное эхо. Они начали

отходить, я время от времени стрелял по наиболее умелым. Их сразу видно.

Подсчитали расход патронов, после этого снарядили Валеру вниз, за патронами. Даже так экономно нам надолго не хватит. Теперь Ваню сидел справа с немецкой снайперкой. Остальные лежали каждый в своей ячейке. Ближе к вечеру я и Матвейч пошли наверх закладывать взрывчатку. Нашли хороший каменный карниз, заложили оба ящика, я поставил радиовзрыватель, привязал место постановки к карте. Уже ночью спустились вниз. Распределили смены, свободные начали укладываться спать. У них даже спальных нет. Пришлось отдать коврик. Ваню очень заинтересовался оборудованием. Рассматривал титановые крючья, карабины, «рогатку», восхищался ледорубом. Он до самой смерти будет ходить в горы. Будет начальником горноспасательной службы этого района. И Ваню, и Матвейч не давали мне уснуть, расспрашивая в основном о себе. Потом Матвейч ушел на пост, сменив отца.

Тот задал только один вопрос: то, что сейчас происходит, похоже или не похоже на то, что тебе в детстве рассказывали?

— Не похоже. Ты не говорил о самолетах. Только о штурмах. И бой за Клухор-баши длился двое суток. Вершина трижды переходила из рук в руки. От перевала вас отжали, и уже другой полк, сто двадцать первый, взял его назад, причем немцы отошли сами, когда убедились, что здесь технику вниз не спустить. На их картах эта дорога проходима. Сведения о ней у них 1912 года.

— Судя по всему, лейтенант, завтра здесь будет жарко. Стой, слышишь?

Снизу раздавался мерный цокот, но звук шел с юго-запада. Мы замолчали, прислушиваясь.

— Лейтенант, вы бы поспали чуток. Моя очередь на подвахту. Вам скоро заступать.

Через полтора часа меня толкнули.

— Время!

— Что с цокотом?

— Похоже, поднимается всадник или лошадь, но периодически пробиваются еще какие-то звуки. У немцев — тихо.

Я подхватил СВД и пошел на правый верхний пост.

— Стой!

— Свои! Смена.

— Поднимайся.

Сменил Матвеева. Бросил на дно ячейки матрасик, пристроился поудобнее. «Собака», самое сонное время. Поэтому надо быть внимательным. Положил одну ПР-40 перед собой. Звуков в ночи много, особенно снизу, вплоть до легкого храпа Ваню. Прошло около часа, и я услышал явственные звуки, что кто-то поднимается на Клухор-баши. Я повесил люстру. Так и есть. На стене две тройки. Успеваю даже подкорректировать прицел для стрельбы снизу вверх. Наступили тишина и темнота. После ракеты ничего не видно. Голоса снизу:

— Лейтенант, ты как?

— Порядок.

С другой стороны доносилась немецкая перекличка. Но при свете ракеты никто на перевал не поднимался. Спустя час снизу, с юго-запада, появились два громадных светящихся зеленых глаза, и раздался мерный цокот копыт. Поднялся Валера, который привез патроны, продукты и одеяла. Меня сменили, я поел чуть теплой каши с мясом. Немного поговорил с Валерой, но он потом быстро уснул.

Главная новость была, что к нам поднимается свежий взвод.

Почувствовал чужую руку на плече, открыл глаза: отец.

— Внизу, у немцев, звуки моторов. Видимо, подкрепление прибыло. Вставайте, лейтенант.

Расстегиваю спальник и выбираюсь из него.

— Извини, вчера постеснялся спросить: мама моя где? С сорок первого писем не получаю.

— Шесть лет назад похоронили, а сейчас она под Ленинградом служит, воюет. Заряжающим зенитного орудия.

— На Ленфронте? Мы же только что оттуда! Я возле дома был, он разбомблен. Думал, что...

— Нет, все в порядке.

— Облачность стоит ниже нас, все скрывает. Могут незаметно подойти.

— Там россыпь каменная, тихо не смогут. Только по дороге, а я там пару ловушек поставил из минометных мин.

Тихонько переговариваясь, мы подошли к костру, у которого стоял горячий чайник. Я сделал себе кофе из сухая,

а он налил себе чая. Кофе он никогда не пил. Он был самым опытным из всех, вторуя войну тащит.

— Теперь мы удержимся. Плюс два пулемета и две снайперки, это как раз то, чего не хватало. А почему ты никого не оставил у закладки?

— Я ее отсюда взорву, по радио.

— У... Удобно. Пойду, подниму всех и сменю Валеру.

Атака началась в 9.30. На этот раз немцы начали без арт-подготовки, но их поддерживало три бронетранспортера, бывших из пулеметов. Но открытый пулемет против снайпера не играет. Ваню и я быстро их подавили. Немцы опять залегли и огрызались огнем. Но не отходили, что-то готовили. Скорее всего, пошли в обход справа, теперь поджидают удара сверху вниз. Но мы с Матвеичем и там поставили несколько растяжек. А с моего места плато хорошо просматривается и пристреляно. Так и есть! Вон они. Выходят на плато. Три тройки. Спешат, видимо, подзадержались на подъеме. Тявкнула 50-миллиметровая мина-ловушка. Отлично! Четверо свалились, теперь мой выход! Их ведь отстегнуть надо! Успеваю выстрелить 4 раза. Двое начали отползать обратно. Остальные лежат. Атаки сверху не будет. Переносу огонь вниз. «Эдельвейсы» еще немного полежали и тоже начали отходить. Ближе к двенадцати часам мы увидели поднимающийся взвод.

Прибывшее подкрепление ничего, кроме шума, из себя не представляет. Один «максим», два «дегтяря», автоматов нет, только винтовки. Ни одной снайперки. И очень горластый лейтенант Кравцов. А горы шума не любят. Через пятнадцать минут я не выдержал и подошел к нему.

— Лейтенант, если вы хотите сообщить противнику всю диспозицию, то удобнее и быстрее спуститься вниз и нарисовать. Что вы разорались на весь перевал, кому и куда? Что, считаете противника еще глупее себя? Так не бывает. Нас слушают, а ветер в ту сторону! Заткнитесь и постройте взвод.

После построения я подозвал командиров отделений и показал им общий план позиции. Раздал каждому план секторов обстрела для их отделений.

— Всем все понятно?

— Да, товарищ командир.

— Быстро и тихо занять позиции. Проверить на месте расположение каждого стрелка. По исполнению — доложить.